

Янчевская Анжелика

**ИЗМЕНА.
ПОПАДАНКА
В ЖЕНУ ДРАКОНА**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Я66

Я66 **Янчевская А.**
Измена. Попаданка в жену дракона / Янчевская Анжелика – М.: Литнет, 2025.
– 180 с.

ISBN 978-5-521-94722-5

Я погибла в своём мире и очнулась в теле молодой жены, одного из самых могущественных драконов. Она женила его обманом, а мне теперь приходится расплачиваться за этот обман: дракон в ярости отправил меня в темницу, пообещав сгноить за подлог. Но есть одна проблема — под моим сердцем уже растёт его наследник, и дракон пока об этом не знает. Сбежать из заточения? Я готова рискнуть всем, чтобы сохранить свою свободу и будущее своего ребёнка.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94722-5

© Литнет, 2025
© А. Янчевская, 2025

– Дрянь, я сгною тебя в темнице! – от его рыка содрогнулись стены.

Массивные двери из чёрного дуба слетели с петель. В проёме застыла высокая фигура, окутанная волнами раскалённого воздуха. От его ярости плавился сам воздух.

А я... я пыталась понять, что происходит. Всего секунду назад – или целую вечность? – я спешила с работы, перебегая дорогу у торгового центра. Визг тормозов. Ослепляющий свет фар. Сердце в горле и... как я оказалась здесь? В этом странном месте, в этом чужом теле?

– Ты действительно думала, что сможешь обмануть меня? – голос мужчины был тихим, но от этого он казался ещё более холодным. Его лицо застыло в нескольких сантиметрах от её лица, взгляд тёмных глаз прожигал насквозь. – Ладно, вы подкупили оракула – это я ещё могу понять. Оракул, конечно, пытался оправдаться, – процедил он, делая шаг в комнату. По его смуглой коже пробежала золотистая чешуя. – Клялся, что действительно видел в тебе мою истинную, что взял деньги просто так... – его губы скривились в презрительной усмешке. – Но я больше не верю ни единому его слову!

Моргаю, пытаюсь прийти в себя. На мне струящееся платье из лилового шёлка. Босые ноги утопают в ворсе ковра. На стенах – гобелены с драконами.

«Стоп, с ДРАКОНАМИ???»

– Вот только объясни мне, – его голос стал опасно тихим, – как вам удалось обмануть родовой камень?

Тело, в котором я оказалась заперта, дрожит. Но не от страха – от какого-то болезненного возбуждения.

– Милорд, – чужой голос вырывается из моих губ. – Пожалуйста, дайте мне еще немного времени! Цветок должен распуститьсь! Может, он просто медлит...

– Медлит?! – его хохот больше похож на рык. – Четыре дня,

Аврора! Четыре проклятых дня прошло после свадьбы! Три ночи я делил с тобой постель! – по его шее поползла чешуя. – Цветок истинности должен был появиться сразу после свадьбы! А если нет – то хотя бы после первой ночи!

– Но родовой камень... – голос срывается. – Он ведь подтвердил...

– Молчать! – от его рева задрожали стёкла. – Как?! Как ты обманула древнюю магию?!

Он делает еще шаг, и я вижу, как его глаза наливаются золотом от ярости.

– Милорд, умоляю! – тело, которым я не управляю, падает перед ним на колени. – Я люблю вас! Больше жизни люблю! Может, камень увидел эту любовь? Может...

– Лживая дрянь! – он отшвыривает нас прочь. Ваза с лилиями разбивается вдребезги. – Твои родители уже признались! – он надвигается на меня, и каждый его шаг оставляет на ковре дымящиеся следы. – Пятьсот золотых! – его смех похож на рычание. – Вот цена твоей лжи! Но даже продажный оракул не смог объяснить, как вы обманули родовой камень!

– СТРАЖА!

Его рык сотрясает сами основы замка. В распахнутые окна врывается ветер, разнося по комнате лепестки лилий. Они кружатся в раскаленном воздухе, чернеют по краям и осыпаются пеплом.

Двое стражников появляются в проёме, бледные как смерть. Они стараются не смотреть на своего лорда, который почти обезумел от ярости.

– В темницу её! – его когти оставляют дымящиеся борозды на каменной стене. – А когда вынесут приговор, отправишься вслед за родителями на рудники. Посмотрим, как твои нежные ручки справятся с киркой. А может... – его усмешка обнажает удлинившиеся клыки, – ты выберешь другой способ заработать на кусок хлеба? Грязным рудокопам всегда нужны... развлечения.

– Милорд! – она отбивается от стражников с неожиданной силой. – Прошу, поверьте! Я ваша истинная! Просто цветок...

– Увести! – рычит он, и по его рукам пробегает новая волна чешуи. – И если хоть кто-то приблизится к её камере без моего приказа, он отправится следом!

Стражники волокут меня прочь. Я чувствую, как немеют мои руки от их железной хватки, как каждый шаг отдаётся болью во всём теле после удара о стену. Но Аврора... она словно не замечает боли. Её крики эхом разносятся по коридорам: – Я люблю вас! Только вас! С первого взгляда!

Мы спускаемся всё ниже и ниже. С каждым пролётом лестницы воздух становится холоднее и влажнее. Роскошные гобелены сменяются голым камнем, покрытым плесенью. Витражные окна уступают место узким бойницам, а затем исчезают и они – остаётся только тьма, разгоняемая редкими факелами.

Шелковое платье цепляется за неровности стен, рвется с влажным треском. Босые ноги скользят по заплесневелым ступеням. Я чувствую, как острые края камней режут кожу, но даже эта боль кажется далекой, нереальной – как и все происходящее.

Спуск кажется бесконечным. Становится всё холоднее. Капли воды, стекающие по стенам, оставляют на камне известковые потёки, похожие на застывшие слёзы. Где-то вдалеке слышится капель – размеренная, зловещая, отсчитывающая секунды нашего падения в эту бездну.

Наконец коридор выравнивается. Темницы здесь больше похожи на звериные клетки – толстые прутья решёток глубоко уходят в камень.

Лязг ключей. Скрип проржавевших петель. Меня швыряют в угол камеры на гнилую солому. В нос ударяет запах плесени и разложения. Решётка захлопывается с грохотом, эхом отражающимся от сводчатого потолка.

И только когда шаги стражников затихают... рыдания Авроры

прекращаются. Как по щелчку пальцев. Она медленно выпрямляется, несмотря на боль от ушибов. Дрожащая рука скользит в потайной карман, чудом уцелевший в разорванном платье.

– Ничего, – шепчет она, доставая маленький пузырек с мутной жидкостью. В тусклом свете единственного факела за решеткой зелье переливается перламутром. – Ничего-ничего. Я все предусмотрела...

«Что ты делаешь?!» – кричу я в её голове. Но кто услышит чужой голос?

– Скоро, – она зубами срывает пробку, – я понесу твоего ребёнка. И тогда... – её губы изгибаются в улыбке, от которой у меня мурашки по коже, даже несмотря на лихорадочный жар её тела, – ты не сможешь от меня избавиться. Никогда.

Она залпом выпивает содержимое. Перламутровая капля стекает по подбородку, падает на разорванный шелк, оставляя светящийся след. В полумраке камеры он кажется змейкой, ползущей по ткани.

Из дальнего конца коридора доносится крысиный писк. Где-то капает вода – размеренно, гипнотически. Факел за решёткой отбрасывает причудливые тени на покрытые плесенью стены. А я... я молюсь всем богам, чтобы это был просто бред после аварии.

Но что, если нет? Что, если это моя новая реальность? Что, если я действительно заперта в теле одержимой, готовой на всё ради своей больной любви?

Её тихий смех эхом отражается от стен темницы, смешиваясь с далёкими стонами других узников: – Ты будешь моим... только моим... Навсегда моим...

Холод каменных стен пробирает до костей. В этой камере даже воздух, кажется, пропитан стылой сыростью веков. Гнилая солома под босыми ногами не спасает от ледяного пола, а разорванное платье почти не защищает от промозглого воздуха подземелья.

По телу пробегает дрожь – то ли от холода, то ли от осознания происходящего. Разум всё ещё отказывается верить в реальность случившегося. Я, обычная девушка из Москвы, заперта в чужом теле, в чужом мире, в глубоком подземелье замка разъярённого не человека, «дракона», вспыхивает в моей голове.

Звучит как бред, но содранные о каменные ступени ноги и синяки от грубой хватки стражников говорят об обратном.

А потом приходит жжение.

Сначала едва заметное, как будто глоток слишком горячего чая обжёг горло. Аврора замирает, и я вместе с ней чувствую, как это ощущение растекается, усиливается, превращается в настоящий пожар внутри. Словно раскалённые угли прокладывают путь от губ до самого желудка.

– Нет... не так... – шёпот Авроры срывается на хрип, и я кричу вместе с ней в её голове, понимая, что мы умираем. – Что-то не так...

Она царапает горло – пытаюсь избавиться от невидимой удавки. Ногти оставляют кровавые полосы на нежной коже, но эта боль ничто по сравнению с огнём, пожирающим меня изнутри.

Пустой флакон выскальзывает из дрожащих пальцев и разбивается о камни. Я чувствую, как паника Авроры смешивается с моей собственной, когда перламутровые осколки разлетаются по полу, сверкая в тусклом свете факела, как насмешливые звёзды.

– Неправильно... всё неправильно... – её голос становится всё тише, каждый вдох даётся с трудом, будто лёгкие налиты свинцом. – Я же... я всё проверила... – в панике шепчет Аврора, и я чувствую, как её ужас эхом отзывается в моей душе.

Судорога сгибает тело пополам, я падаю на колени. Лиловый шёлк платья впитывает капли пота, темнеет пятнами. Я чувствую каждую нитку ткани на коже, каждую каплю пота, каждую волну боли – всё одновременно и своё, и чужое.

– Нет... пожалуйста... – наш последний общий выдох растворяется в затхлом воздухе темницы. Сознание Авроры гаснет, как задутая свеча, увлекая меня за собой в бездну.

А потом наступает пустота.

Абсолютная чернота, в которой нет ни верха, ни низа. Пространство без времени, тишина без звука. Я парю в этой пустоте, всё ещё ощущая фантомную боль в горле и последний удар сердца – одного на двоих.

Свет появляется неожиданно – маленькая искра вдалеке, которая растёт, приближается, превращается в силуэт женщины, окутанный серебристым сиянием. Её волосы струятся, как звёздный водопад, а в складках одежды мерцают созвездия.

– Дитя моё, – её голос подобен перезвону хрустальных колокольчиков. – Какая трагичная судьба...

– Что... что происходит? – спрашиваю я, и мой голос звучит странно в этой пустоте, словно под толщей воды.

– Аврора мертва, – в глазах богини отражаются галактики. – Её безумная одержимость привела к роковой ошибке. Но ты... – она протягивает руку, и хотя у меня нет тела, я чувствую её прикосновение где-то в глубине души, – ты будешь жить. И дитя под твоим сердцем будет жить.

– Ребёнок? – если бы у меня было тело, оно бы похолодело. – Какой ребёнок?

– Дитя дракона, – её улыбка становится мягче. – Я не позволю невинной душе погибнуть из-за безумия Авроры. Её зелье, которое она пьёт уже неделю, было приготовлено с ошибкой и хоть помогло с зачатием, но убило ее. Теперь ты в ответе, за будущее дитя.

– Но... дитя дракона, как?

– Лорд Дрейкар Варден, – в голосе богини звучит понимание. – Один из самых влиятельных лордов Северных земель, дракон, чей род известен своей древней магией и силой. Теперь ты – его законная супруга, леди Варден.

– Законная супруга? – от удивления я даже забываю о страхе. – Но ведь он был женат на Авроре, и он ненавидит её... меня...

– Брачные клятвы в нашем мире связывают не тела, а души, – богиня

взмахивает рукой, и в пустоте появляется мерцающая нить, соединяющая две светящиеся точки. – Родовой камень тогда не солгал – он почувствовал твою душу, витающую рядом. Именно поэтому брак считается действительным. Ты – его истинная пара, та самая, о которой говорил оракул. Только он видел тебя, а не Аврору.

– Твоя душа – истинная пара дракона. Именно поэтому ты оказалась здесь, в теле Авроры. Судьба готовила замену, – богиня проводит рукой по воздуху, и в пустоте начинают мерцать созвездия. – Через неделю он почувствует своего наследника. А пока... тебе решать, как прожить эту жизнь.

– А если я не хочу? – вырывается у меня. – Меня... может дома ждут.

Богиня грустно улыбается, понимая, что я лукавлю, никто меня ждет, скоро сорок лет, а даже друзей пригласить на день рождения не могу, нет у меня никого.

– Скоро ты забудешь про свой мир, с рождением дитя, другой памяти у тебя не будет.

– Если я не хочу быть заменой? Не хочу оставаться с тем, кто бросил меня... то есть Аврору, в темницу?

– Это твой выбор, – её голос становится тише, а силуэт начинает таять. – Но помни: иногда то, что кажется жестокостью, на самом деле является защитой. А то, что выглядит как проклятие, может оказаться благословением...

Тьма рассеивается, как предрассветный туман. Я открываю глаза – и делаю первый вдох.

Медленно сажусь, прислушиваясь к ощущениям. Тело, которое теперь полностью принадлежит мне, болит от недавних ударов и судорог. На шее саднят царапины, босые ноги покрыты ссадинами. Но всё это кажется таким незначительным по сравнению с тем, что я жива.

И что теперь? Смириться? Стать покорной женой дракона, заменив его нелюбимую супругу? Ждать в этой темнице, пока его высокочество соизволит вспомнить о своей пленнице?

Я вздрагиваю, вспоминая его горящие яростью глаза, когти, оставляющие на камне дымящиеся борозды, эту страшную, звериную ярость. Как вообще можно жить рядом с таким существом? Как можно растить ребёнка, зная, что в любой момент его отец может превратиться в чудовище?

«Пятьсот золотых!» – его рычащий голос всё ещё звучит у меня в ушах.

А что будет, когда он узнает правду? Когда поймёт, что в теле его жены теперь живёт другая душа?

Я машинально обхватываю живот руками. Внутри растёт его ребёнок – наполовину человек, наполовину дракон. Но даже это не заставит меня остаться. Лучше растить ребёнка одной где-нибудь на краю этого мира, чем каждый день бояться драконьей ярости.

«Мать моя женщина, я буду матерью дракона!» – мелькнула мысль, и тут же сменилась другой. Побег.

Где-то вдалеке капает вода – размеренно, гипнотически. В этом звуке мне чудится: «Беги-беги-беги...» И я побегу. Обязательно побегу. Только сначала нужно выбраться из этой темницы, а потом... Потом разберусь, как жить дальше.

Холод. Голод. Жажда. Все смешалось в один бесконечный кошмар. Я пыталась свернуться калачиком на гнилой соломе, кутаясь в обрывки некогда роскошного платья. Каждый раз, когда я проваливалась в полубабытие, перед глазами вставало его лицо – искаженное яростью, с золотыми глазами и удлинившимися клыками.

Желудок сводило от голода, горло саднило от жажды. О том, как нестерпимо хотелось в туалет, я старалась не думать. В углу темницы была выдолблена небольшая ниша, прикрытая полуразвалившейся деревянной ширмой. Даже в полубреду я содрогалась при мысли о том, чтобы воспользоваться этим «удобством».